

Кристофер Марсен

СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА

ПЕРВЫЕ ДНИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Кристофер Марсден

**Северная Пальмира. Первые
дни Санкт-Петербурга**

«Центрполиграф»

Марсден К.

Северная Пальмира. Первые дни Санкт-Петербурга /
К. Марсден — «Центрполиграф»,

Дух Петербурга XVIII века – архитектура знаменитых дворцов, живопись, театр, декоративно-прикладное искусство, быт и пристрастия монархов и важных сановников – все, чем живы слава и величие этого города, в центре внимания автора, который не забывает уделять внимание и повседневной жизни горожан. Сопроводив собственные впечатления от знакомства с историческими памятниками города курьезами, историческими анекдотами, Кристофер Марсден ярко, оригинально, хотя и несколько субъективно, воссоздает реалии петербургской жизни той эпохи.

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
ВВЕДЕНИЕ	6
I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кристофер Марсден Северная Пальмира. Первые дни Санкт-Петербурга

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга, которую читатель держит в руках, посвящена русской архитектуре XVIII века и охватывает интереснейший период нашей истории: от переломной эпохи петровских реформ до времени правления Екатерины II – шестьдесят лет, за которые Россия изменилась до неузнаваемости. Автор, англичанин Кристофер Марсден, любит и знает русское искусство, однако не меньше его интересуется влияние Европы на Россию и то, каким образом европейское искусство, попадая на русскую почву, становится русским. Особое внимание автор уделяет эпохе Елизаветы Петровны и творчеству ее любимого архитектора Франческо Бартоломео Растрелли. По мнению Марсдена, этот итальянец стал настоящим русским архитектором и создал творения более русские по духу, чем архитектор следующего, «екатерининского» периода – Камерон.

В книге ярко и образно отражены все важные вехи этих шестидесяти лет: и эпоха Петра I, и времена Анны Иоанновны, и – в меньшей степени – правление Екатерины II. Не претендуя на исчерпывающую информацию, автор тем не менее упоминает огромное количество архитекторов и живописцев, приехавших в Россию по царскому приглашению в начале XVIII века.

Укладу русской жизни, особенно царской, отведено почти такое же место, как и самой архитектуре, ибо архитектура – декорации, на фоне которых разворачивается историческое действие. Отсюда описание царских обедов и грандиозных фейерверков и, по контрасту, средневековой грязи московских улиц и голодной толпы, ждущей царского угощения около дворца. Книга насыщена интересными фактами, которые, впрочем, не всегда кажутся достоверными и подчас соседствуют с субъективными выводами автора.

У этой книги есть еще одна интересная особенность. Она написана в начале Второй мировой войны. А вышла из печати в то время, когда немецкие войска разместили в Царском Селе один из своих штабов. Современники Кристофера Марсдена, читая о творениях Растрелли, понимали, что, возможно, мир потеряет их (отчасти так и случилось). Судьба самого города висела на волоске.

Для российского читателя эта книга приобретает особое значение – мы спустя полвека словно видим архитектурные шедевры Северной Пальмиры такими, какими они были до войны, – и Екатерининский дворец, и Янтарную комнату. И тем более актуальны эти впечатления стороннего наблюдателя в то время, когда мы отмечаем 60-летие снятия Ленинградской блокады и вскоре после 300-летия Санкт-Петербурга, которое праздновал весь мир.

ВВЕДЕНИЕ

Путешествие из Москвы в Ленинград, по русским меркам, занимает не много времени. Поезд, двигаясь несколько медленнее, чем тридцать лет назад, покрывает четыреста с лишним миль ровно за двенадцать часов довольно комфортабельного путешествия. Железная дорога, по которой двигаются паровозы с высокими трубами и вагоны с самоварами, проходит мимо Калинина и Вышнего Волочка. Пролегая по довольно однообразной местности, эта дорога является одной из самых прямых во всей Европе.

Таким образом, за один день можно добраться от самого сердца России до Балтики; в наши дни русские обычно преодолевают расстояние от своей столицы до города Ленина ночью.

Раздумывая о разнице между городом, куда он прибыл, и городом, из которого уехал, русский путешественник испытывает двойственные чувства. Москва в наши дни – это столица «советской Родины», точно так же как на протяжении многих столетий она была столицей «Московии», раздвинувшей позднее свои владения. Ленинград же – источник тех социальных потрясений, которым страна обязана своими современными достижениями и особенностями; кроме того, этот город на протяжении двухсот лет был столицей Российской империи.

В нашем русском путешественнике уже нет духа былой огромной империи но все же он с почтением вспоминает о коронованных аристократах. Да, когда-то существовал непримиримый антагонизм между правящим классом России и остальным народом – но этот антагонизм был уже не столь резок в XIX и начале XX века. Прошедшее время практически изгладило память о порках при крепостном праве. И хотя сейчас цари официально порицаются, у русских остались и искренняя любовь к правителям XVIII столетия, и нескрываемая гордость за их свершения.

Русские на протяжении своей истории всегда любили грандиозные зрелища. В Москве сейчас воздвигается Дворец Советов, который должен стать самым высоким зданием в мире, вознесясь вверх на высоту в полтора раза большую, чем Эйфелева башня. На Дворце Советов будет стоять хромированная статуя Ленина, и эта статуя тоже будет самой большой в мире, поскольку в психологии русских – либо все, либо ничего. Точно так же в прежние времена москвиты владели самым большим колоколом в мире и самым большим орудием. Русских всегда привлекало все грандиозное; они редко восхищались чем-нибудь, что не было бы эпическим. Детали для них маловажны; их самые грандиозные замыслы губило врожденное пренебрежение к мелочам.

И потому неудивительно, что русские монархи, даже те, которых проклинали при жизни, если они соответствовали любви русских ко всему грандиозному, в конце концов остались в их памяти как положительные персонажи. И главный из них – Петр Великий.

В свете любви русских к грандиозному весомыми выглядят и доводы для переименования Петрограда в Ленинград куда более весомыми, чем доводы для переименования Санкт-Петербурга в Петроград за десятилетие до этого. Лидер революции, призванной изменить жизнь населения на одной шестой части суши, мог претендовать на то, чтобы остаться в памяти людей подобным образом. Однако такие названия, как Петроград и Санкт-Петербург, – это не просто названия в честь какого-то правителя. Столица на Балтике уникальна тем, что не выросла из деревень; город возник буквально на пустом месте. Название Петроград несет память о строителе города, и потому Ленинград и по сей день для русских это Петроград, «город Петра».

Заметных следов самого создателя города сохранилось очень мало. В этой удивительно своеобразной бывшей столице от первоначальных замыслов Петра осталась только планировка улиц. Расположение центра города на четырех островах, которые составляли официальную,

аристократическую и церемониальную части города, тоже относится ко времени до 1725 года¹, но разукрашенные фасады величественных «имперских» строений, надменные и приземленные, показались бы Петру чужими. Он бы не узнал ни единого здания на всем Невском проспекте.

В разных местах города путешественнику покажут лишь одно-два маленьких строения, в которых когда-то жил Петр. Возможно, любознательность проведет путешественника по мосту через Неву на Васильевский остров, к университетскому зданию Двенадцати коллегий. Наверняка путешественник также заметит высокий шпиль Петропавловской крепости – главного сооружения в годы правления основателя города. За пределами же города только Ораниенбаум сохранился как памятник Петровской эпохи.

На первый взгляд, ближайшие наследники Петра также оставили не слишком много следов. В исторической части современного Ленинграда по большей части можно видеть сооружения времен Екатерины Великой, Александра I и Николая I. Эрмитаж был создан Екатериной II, Александр I оставил после себя Адмиралтейство, Казанский и Исаакиевский соборы. Если наш путешественник посетит Зимний дворец, чтобы внимательно его осмотреть, в глаза ему бросится стиль рококо, выделяющийся на фоне преобладающего в городе классицизма; это рококо связано с именем Елизаветы Петровны, имевшей те же архитектурные пристрастия, что и ее отец.

За границами города имя Петра Великого путешественник может услышать чаще. Оно наверняка прозвучит в речи экскурсовода в Петергофе – может, вместе с именем Растрелли. Когда путешественник совершит паломничество в Пушкин, Детское Село (или как там сейчас именуют бывший загородный дворец императоров, имевший название Царское Село), то чаще всего он будет слышать именно эти два имени. Его совсем не обескуражит то, что находящийся здесь величественный дворец называется Екатерининским.² Как опытный путешественник, он уже хорошо знает, где находится; та жизнь, которая происходила здесь, уже известна ему; он понимает ее мотивы. В этом дворце он словно переносится в Европу Людовика XV. Тем не менее нашего путешественника наверняка поразит, насколько мало он знает об истории середины XVIII века. Петр правил на рубеже XVII и XVIII веков; наиболее известные деяния Екатерины приходятся на конец XVIII века. Но что было между этими двумя правлениями? Неужели Екатерина II была единственной заметной фигурой в России XVIII века?

Наш путешественник прибыл из Москвы. Хотя достижения послереволюционного периода, несомненно, интересны для него более всего, история России его тоже интересует. Но история Москвы уходит в глубь веков. В ней есть колокола и бояре, святые и луковицы церквей, собор Василия Блаженного, Кремль и Иван Грозный. Эта темная, с запахом ладана Россия явление чисто русское, никак не связанное с Европой. И, вспоминая историю Москвы, путешественник может ощутить некий исторический провал, поскольку в Москве мало что говорит о Петре или Елизавете. И совершенно ничего нет в этом городе от Европы времен Людовика XV.

Ленинград, таким образом, является европейским городом, Москва же – нет. Ленинград – космополитический продукт XVIII века, Москва уходит в XIII век, когда этот город почти не имел связей с другими городами, был равнодушен к чужеземным влияниям и развивался сам по себе. И сейчас город заметно отличается от европейских. Высокие меховые шапки, кафтаны, овечьи шапки узбеков и бухарцев можно часто видеть в Москве, но не в Ленинграде. Башни и маковки Кремля все еще излучают древнее религиозное таинство; а вот в изящных золотых шпилях и разукрашенных фасадах Петербурга и Царского Села этой святости нет.

То столетие, которое исчезло в Москве, – начатое Петром и получившее свое завершение при Екатерине и Александре, содержится именно в золоченом городе Петра. Однако три

---

¹ Год смерти Петра I. (Примеч. пер.)

² Екатерининский дворец Царского Села был на самом деле построен еще Елизаветой. (Примеч. пер.)

десятилетия этого столетия в истории города скрыты. Имея перед глазами лишь то, что он видит, наш путешественник наверняка не сможет получить завершенной картины XVIII столетия. Ему потребуется помощь в воссоздании истории этого внезапно возникшего на западе аванпоста.

На взгляд западного человека именно Екатерина II, а не Петр, определила лицо XVIII века в России. Екатерина, как говорят ее современники, всегда признавала величие фигуры Петра и искренне чтила его память. А вот к периоду с 1725 года до своего правления Екатерина II относилась с презрением. Эти годы она считала всего лишь ожиданием ее пришествия, как XVII век был для нее ожиданием пришествия Петра. Когда она умерла, то оставила после себя своему сыну Павлу и красавцу внуку Александру великую империю, созданную именно ею, а не непосредственными преемниками Петра. Екатерина видела в величественной столице на Неве личную связь между собой и великим реформатором, основавшим «Северную Пальмиру», как она называла этот город.

Потомство оправдало Екатерину в ее низкой оценке своих непосредственных предшественников. Развитие страны, в том числе территориальное расширение, происшедшее ко времени войны с Наполеоном, в значительной степени является заслугой ее правления. Именно благодаря Екатерине Россия стала наконец ведущей европейской державой. Эта русская императрица без сомнения является самой великой женщиной своего столетия.

Слава Екатерины привела к тому, что ее предшественницы на троне, тоже женщины – Анна Иоанновна и Елизавета Петровна, – оказались почти полностью забыты. Ни одна из этих правительниц не могла ни на йоту претендовать на сравнение с Екатериной. Ни одна из них не имела масштабности мышления Екатерины. И в самом деле, в качестве правительниц они проявили себя слабо. С высоты своего интеллектуального величия Екатерина могла смотреть на них как на обычных женщин, чей трон ей пришлось унаследовать. Однако будет несправедливо рассматривать тридцать с лишним лет, с 1730-го по 1762 год, лишь как потерянное время. Правление Екатерины I и Петра II, занявшее всего лишь пять лет до царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, определенно не вело страну по пути развития – однако же Анна Иоанновна и в особенности Елизавета, по крайней мере, не прерывали процесса, начатого Петром, продолжая привносить с Запада в Россию дрожжи, призванные избавить эту страну от вековой спячки.

Задача нижеследующего повествования – отследить, как ветры с Запада воздействовали на жизнь русского двора во времена Екатерины II, и показать развитие императорского двора в этот период. Впрочем, о развитии можно говорить только в сравнении с Версалем как объектом культурного подражания. При исследовании изделий, созданных обслуживавшими двор наемными живописцами, архитекторами, музыкантами, мы увидим, что Екатерина унаследовала от Елизаветы не только регалии королевской власти. Мы также коснемся и удивительного интернационализма европейской культуры, который имел место в рассматриваемый период. Несмотря на трудности с дальними переездами, в то время существовал легкий и беспрепятственный обмен талантами между различными уголками континента. Мы в наши дни можем этому только завидовать. Мы также попытаемся отследить изменение ориентации с Германии (которой придерживалась Анна Иоанновна, продолжая этим традицию Петра) на Париж, Рим и Венецию с их обаянием и элегантностью – при императрице, которая даже расписывалась на французский манер – *Elisavet* – и которая едва не стала невестой Людовика XV.

В нашем повествовании будет затронута тема изящных искусств, но разговор о них станет лишь обрамлением того, что мы опишем в первую очередь. Раздел, посвященный повседневной жизни в России, очень мал; мы лишь покажем, что на эту жизнь не следует смотреть через розовые очки. Мы не коснемся социального положения, крепостного права, военных дел, экономики и дипломатии они могут разрушить ту утонченную и полную светской мишуры атмосферу, которую мы попытаемся воссоздать на страницах этой книги.

Очень немногие исторические персонажи рассматриваемого времени появятся здесь, поскольку мы не хотим вызвать у читателя чересчур серьезные ассоциации. Мы свели к минимуму имена и факты – за исключением тех, которые непосредственно относятся к затронутой нами теме. Здесь не появится даже гвардейская форма, кроме как для описания великолепия Санкт-Петербурга. И еще одно ограничение. Наша тема – это эклектизм России, подражание двора Западу, многочисленные заимствования и преобразования на западный манер. Но этот эклектизм мы очертим лишь работами, произведенными именно в России. Изготовленные в Париже для Елизаветы позолоченные кареты с панелями от самого Буше,³ шелк из Лиона, мебель из Лондона, мейсенский фарфор – все это, конечно, играет свою роль в русском спектакле, но эти детали остаются заимствованными; мы же будем описывать проникновение мастерства и умений, перемещение талантов, а не предметов искусств, что, как мы считаем, имело место при Елизавете в гораздо большей мере, чем она хотела бы признать.

В то же время мы не хотим создать впечатление, что в нашей книге дается сравнение русской Елизаветы с ее великим предшественником. Мы также не утверждаем, что Елизавета была особо выдающимся знатоком в области искусств. На подобное утверждение можно встретить возражение, что в тот период пышного расцвета искусства любая аристократка – особенно такая тщеславная и любящая удовольствия женщина, как Елизавета, и имеющая в своем распоряжении такое богатство, каким располагала Елизавета, – могла собрать и оставила после себя столь же блистательную коллекцию предметов в стиле рококо. Да, верно, могла собрать – но могла и не собрать. И потому мы сейчас извлекаем из мрака забвения не Анну Иоанновну, а именно Елизавету.

---

³ Буше – французский придворный художник. (Примеч. пер.)

I

ПЕТР

1697–1703 годы

Россия на протяжении многих веков была изолирована от остальной Европы, и, когда она впервые появилась на политической арене, это проявилось так бледно, что не необходимость, а любопытство заставило изучать дух и манеры этой варварской страны. Но поскольку Россия вскоре сделала столь быстрые шаги к могуществу, на нее следует смотреть не как на отдаленную мерцающую звезду, а как на великую планету, которая заняла место в нашей системе, чье место еще не определено, но чьи движения должны в полной мере воздействовать на все другие планеты.

Макартни

Петербург вырос из ядовитых болот и коварных трясин, глубоких проливов и разбросанных в дельте Невы островов. Тонкие, похожие на иглы шпили этого города-призрака, рожденного по дерзновенному замыслу Петра, ныне высятся из тумана, нависающего над восточной оконечностью Финского залива. То, что когда-то было только грязью, водой и лесом, ныне стало столицей Российской империи. Призрак стал явью не за счет многочисленных смертей, поскольку город был построен буквально на костях. Никто ныне не может сказать, сколько из 150 тысяч человек, оторванных от своих домов указом императора для засыпки болот и забивания свай, сложили свои головы от зловонных испарений болот, от бушующей здесь дизентерии, от разного рода опасностей и нечеловеческого напряжения.

Можно с уверенностью сказать, что их были десятки тысяч. Но «окно в Европу» было распахнуто, и Московия стала Россией.

Социальный переворот, который Петр Великий произвел с родовитым дворянством Московии, был столь полным, что задал образ жизни вплоть до 1917 года. До 1700 года, возвестившего о наступлении блистательного столетия, которому было суждено завершиться во Франции столь оглушительно, русские жили хоть и в христианской, но восточной по духу и варварской стране.

В дворцовой жизни старой Москвы – и это явно видно в Московском Кремле – было два центра: православная церковь и царь. При взгляде на Кремль сразу бросается в глаза, что за зубчатыми стенами высятся как бесчисленные маковки церквей, так и разноуровневая громада царского дворца.

Христианство, которое в России – а тогда еще в Киевской Руси князя Владимира – заменило язычество в 988 году, пришло из Византии. Удивительно, но этот процесс прошел гладко, без беспорядков и особых усилий со стороны верхов. В Византии, которой еще предстояло существовать пять столетий, христианская религия, основа существования империи, с ходом времени превратилась в сложные и замысловатые обряды и бесконечные дискуссии по мало-значимым вопросам. Величественность этих обрядов оказала впечатление на русских, которые всегда были склонны ко всему великому и у которых в последующие столетия эта склонность стала проявляться еще сильнее. Кроме этого, византийцам была присуща глубокая набожность, даже при дворе, каким бы склонным к чувственным наслаждениям и внешней мишуре он ни был. Эта набожность также импонировала русской натуре. Византия, вобрав в себя многие народы, явилась миру как восточная страна – и, поскольку Россия тоже была восточной страной, именно в форме восточного христианства русские могли наиболее легко перенять

новую религию. Конечно, в России это христианство претерпело некоторые изменения. Русские меньше боялись Бога; трудно представить русского художника, который пишет икону с таким же благоговением, как и грек. Русские относились к своим иконам более фамильярно и дружески – хоть и с искренней верой.

В характере греков и русских было много различий. Греки имели более слабое телесное строение, но больше интересовались интеллектуальными вопросами, литературой и диспутами. Они были склонны к коварству и вероломству. Славяне были проще, менее интеллектуальны, не имели четкой логики, но, возможно, обладали большим природным воображением.

Однако оба народа имели и много общего. И у русских и у греков случались периоды мистической экзальтации, и те и другие верили в магию, в явления, в совершающие чудеса иконы и реликвии. И те и другие считали важным соблюдение ритуалов, монашество и паломничество. И у тех и у других в характере было некоторое непостоянство и отсутствие эмоциональной стабильности. Оба народа не считали большим злом жестокость и свирепость, в гневе были безжалостны и склонны к насилию – и вместе с тем были способны к глубокой и самоабвенной любви. И наконец, у обоих народов – как это стало ясно через несколько столетий, когда русский двор начал подходить к константинопольским стандартам цивилизации и великолепия, – была одна и та же любовь к пышности и зрелищам, даже жестоким и кровавым.

Повседневная и религиозная жизнь старой Москвы тесно переплетались. Влияние Византии и ее пережитков было заметно в Москве даже в конце XVII столетия. Каждая церемония, каждый национальный или дворцовый праздник по форме в первую очередь был религиозным. Простой религиозный праздник посвященный ли «приносящему Новый год» святому Симеону или чудотворцу святому Петру или же освящение воды на праздник Крещения и Рождества, как и простая годовщина, – проводился по сложному и красочному ритуалу и завершался обильным пиршеством. Сам царь, окруженный слугами и дворцовой знатью, принимал участие в празднике наряду с патриархом Московским, его епископами, старшими священниками, настоятелями и дьяконами. Даже не связанные с религиозным календарем мероприятия принимали религиозную форму. Объявление войны и празднование победы становились предлогом для проведения торжественной службы, при которой царь ел освященный хлеб и пил из «кубка Богоматери» (иногда тронутый до слез обращением к нему патриарха), после чего угощал двор белым и красным вином и водкой.

Бояре жили в постоянном контакте с царем. Положение царя больше напоминало положение «главы семьи», чем монарха. Каждое утро бояре и мелкое дворянство должны были собираться при дворе, где, входя по установленному порядку, получали распоряжения. К царю приходилось обращаться с самыми простыми просьбами, как, к примеру, за разрешением покинуть Москву в конце недели. Царь обедал со всем двором, затем следовал отдых; оставшаяся часть дня посвящалась делам – при этом каждое ведомство имело свой день для обращений. Существовала большая разница между более знатными и менее знатными; столь резкой разницы не встречается ныне даже в английских привилегированных частных школах. Бояре тратили много времени в спорах, чей род знатнее. Долгие споры вызывал вопрос, кто должен сидеть ближе к царю за столом; члены одной семьи упорно не хотели уступать свои места другим.

Невозможно представить себе чего-либо более консервативного, чем бояре. Семья – с которой мужчины в России не считались – была основана на патриархальных началах; порядки в доме напоминали монастырский устав. Глава семьи являлся богом и господином и имел просто невероятную власть. От всех – от жены и прочих, кто проживал под крышей господина, – требовалось полное повиновение отцу семейства. Очень необычный документ, «Домострой» архимандрита Сильвестра, церковнослужителя времен Ивана IV, содержал рецепты еды и напитков и указания насчет одежды, мебели, слуг, женщин и домашних принадлежностей. Этот документ расписывал жизнь во всех мелочах и содержал ограничения – и в то же время

разрешал пить спиртные напитки и бить жен (но не используя «посох с железным набалдашником», пишет архимандрит). В «Домострое» содержались также религиозные правила, в соответствии с которыми следовало жить.

Интеллектуальная жизнь, дискуссии совершенно отсутствовали. Неграмотные, повязанные по рукам и ногам самыми нелепыми религиозными фантазиями, русские были не способны отделить существенное от несущественного и, как мы увидим позже, ложь от истины. Одним из следствий этого являлось то, что русское уголовное законодательство было нелепым и несправедливым. Малозначительные детали ритуалов или традиций представлялись русским имеющими исключительно важное значение. Какие-либо изменения здесь считались греховными; все иностранное автоматически отвергалось. Русский человек жил в тумане невежества, предрассудков и предубеждений, а церковь и государство совершенно не предпринимали усилий его просветить.

Глубокое пуританство соседствовало с безудержной греховностью. Пение песен, карты, шахматы, игры и спорт всякого рода – то есть то, что было обычным и безвредным развлечением у любого народа, – было запрещено как создания князя тьмы; избиение жен и повальное пьянство при этом воспринимались как естественные явления. У простого народа развлечений не было. Кроме грубых развлечений, организуемых разного рода шутами карликами, слабыми, неграми и уродами, которых было множество у каждой боярской семьи, – развлечения боярства были пьянство и пиры, которые всегда начинались с проведения религиозных церемоний, а заканчивались неизменной оргией. Путешественникам очень не нравилось пьянство и общая звероподобность московитов. Можно было видеть даже женщин и детей за исключением связанных с церковью, – идущих неровной походкой по улице и внезапно падающих на землю смертельно пьяными. Поведение московитов напоминало поведение дикарей. Их манеры – особенно по отношению к женщинам во время появления русских в иностранных государствах приводили к дипломатическим протестам. Непристойно грязные, облаченные в мешающие движениям длинные громоздкие одежды, с непричесанными волосами до самых плеч и спутанными бородами, русские вели себя за столом подобно свиньям, погружая грязные и жирные пальцы без разбора в тарелки и блюда, всегда переедая, осушая невымытые бокалы жадно и шумно.

И вместе с тем русские придерживались бессмысленного аскетизма. Их дома были обставлены только столами и скамьями. В помещении было всегда темно; комната, в которой горело больше десяти сальных свечей, считалась сверх меры освещенной. Комнату украшало лишь несколько икон. Иностранцев всегда поражало богатство и восточный вид одеяний бояр при дворе, но эти наряды надевались только по очень официальным случаям; обычно же бояре носили простой подпоясанный кафтан. Их пища хоть и была обильной, но не отличалась разнообразием – это были «большие куски мяса и вонючей рыбы». Мед и простой спирт были их единственными напитками.

Положение русских женщин было плачевным. Невежественные и необразованные, они считались домашними предметами, а не человеческими особями. Их не считали полноценными взрослыми людьми. Почему-то считалось, что их появление на публике вредит их репутации. Женщина очень много трудилась в домашнем хозяйстве, но этот труд оставался незамеченным, если только не было совершено какой-нибудь ошибки, за которую ее повелитель имел право телесного наказания (с ограничением «не унижать незаслуженно поркой перед людьми») в той мере, в которой считал нужным. «Три или четыре года назад, – писал Коллинз в 1671 году, – один купец стегал свою жену так долго, сколько мог, плетью длиной в два дюйма, а затем заставил ее лечь на толстовку, пропитанную водкой, полученной тройной или четверной возгонкой, и поджег толстовку, так что это бедное создание погибло в ужасных мучениях. И что еще более странно, никто не преследовал этого человека за смерть жены, поскольку у русских

нет наказания за убийство жены или раба, если оно происходит во время наказания. Некоторые из этих варваров привязывают своих жен за волосы, а затем стегают их по голому телу».

В тереме, который представлял собой нечто среднее между крепостью и женским монастырем, женщины проводили день за днем в уединении, пока их повелители бесчинствовали. Эти женщины появлялись – с большими формальностями и робкими поклонами – перед некоторыми особо именитыми гостями, когда хозяин дома хотел продемонстрировать особое гостеприимство показом своей коллекции. Любое путешествие, которое совершали женщины, такое, как посещение церкви (где для них было отведено специальное место), производилось в полностью закрытых экипажах или на закрытых носилках. Лица женщин скрывала фата. Какую бы сторону жизни мы ни взяли, везде видно, что православная церковь стремилась скрыть женщину и принизить ее роль в такой же мере, как и мусульманство. Взгляды на женщину были в России всецело восточными, поскольку красавицей считалась та, что полнее, а узкая талия рассматривалась как уродство, так что стройным девушкам приходилось, как недовольно писали английские путешественники, «намеренно делать себя толще, лежа весь день напролет на кровати и потребляя много водки (что сильно полнит), затем спать, после чего пить опять, подобно свинье, откармливаемой для бекона». Кроме того, женщины красили свои зубы черной краской и это во времена, когда на троне Франции уже сидел Людовик XV! Считалось, что белые зубы подходят только неграм и обезьянам. Общества в европейском смысле этого слова не существовало. Именно такой была страна, которой должна была править веселая аристократическая императрица на протяжении последней четверти XVIII столетия. Свет Возрождения к этому времени озарил практически каждый уголок Западной и Северной Европы. Он сумел проникнуть даже к туркам. Но Московия до середины XVII века не имела контактов с Европой, была неграмотной, не имела культуры, за исключением религиозного фасада, заимствованного из уже забытой Византийской империи, передавшей России свое азиатское наследство. Россия лежала во тьме, утопая в мерзком болоте предрассудков.

Однажды в апреле 1697 года с востока к воротам города Кенигсберг подошла блистательная кавалькада. Весеннее солнце сияло на позолоченных алебардах и посеребренных топорах гвардейцев, которые ехали на белых, серых и каурых лошадях. Перед гвардейцами двигались верховые с трубами и барабанами, позади – три роскошно одетых посла со свитой из молодых дворян, переводчиков, купцов и шутов. В общей сложности из России в Европу прибыло двести семьдесят человек. Процессию возглавлял распутный, но блистательный женеvский авантюрист Франц Лефорт; он был в наряде татарского хана и сопровождался свитой из десяти облаченных в развевающиеся халаты дворян, пятнадцати слуг, оркестра и четырех карликов. За ним следовали два русских генерала Головин и Возницын, а также более пятидесяти других лиц разного звания и важности. На большинстве русских были длинные наряды и высокие меховые шапки, разукрашенные жемчугами и ювелирными украшениями. Кавказского князя с кривой турецкой саблей постоянно принимали за перса.

Свиту посла сопровождал исключительно высокий молодой человек двадцати семи лет и шести футов семи дюймов росту, путешествовавший как вольнонаемный матрос. Молодого человека звали в свите Петр Михайлов. Его приятную внешность с загорелой кожей и пронзительным взглядом – несколько портило подергивающееся лицо и дрожащие руки. Хотя матрос был молод, на его лице были заметны следы распутной жизни.

Посольство прибыло из Москвы, миновав по дороге Новгород, Псков и Ригу шведской Ливонии. Путешествие происходило на санях, поскольку снег еще не растаял, а реки были покрыты льдом. Из Риги посольство отправилось в Либаву, где матрос Петр Михайлов впервые увидел Балтику. По морю он добрался до Кенигсберга, где дождался прибытия посольства, которое продолжало двигаться по земле. Время ожидания Петр Михайлов посвятил изучению артиллерийского искусства, которое ему преподавал прусский инженер фон Штернфельд, выдав-

ший ученику в конце обучения «патент мастера артиллерийского дела». Поведение Петра временами было странным. Когда он проходил мимо одной дамы, то внезапно крикнул ей «Стоп!», затем вынул из ее кармашка покрытые эмалью часы и, изучив их, бережно вернул на место. В другой раз он стащил новый модный парик с головы одного джентльмена, какое-то время разглядывал его, а затем в досаде бросил парик на пол. Его манеры, особенно за столом, были грубыми и говорили об отсутствии воспитания; но то же самое можно было сказать обо всех русских. Петр и его адъютант Меншиков постоянно создавали проблемы и вызывали шумные ссоры. Петр пил очень много; на его вечеринках было опасно находиться, поскольку он мог броситься с саблей в руке, рубя наугад. Однажды он бросился с саблей даже на Лефорта.

Из Кенигсберга Петр, Лефорт и вся компания двинулись по дороге, затем по каналу и реке дальше через Северную Германию. В Ганновере Петр был гостем Софии, вдовы курфюрста Ганноверского; она нашла этого гиганта на удивление застенчивым. Когда он вошел в ее комнату и она поприветствовала его, Петр поднял руки перед лицом и воскликнул: «Я не могу говорить! Я не могу говорить!» Было видно, что он очень переживает, что, будучи русским, не знает правил приличия. Петр был весьма озадачен, когда ему положили салфетку, он не знал, что с ней делать. Прослушав пение нескольких итальянских певцов, он выразил лишь слабое одобрение. Его познакомили с двумя детьми; мальчику было суждено стать английским королем Георгом II, девочке матерью Фридриха Великого. Петр танцевал с придворными дамами и принял их корсеты за ребра. «Чертовски твердые ребра у немецких женщин», – сказал царь.

Затем посольство двинулось по Рейну в Утрехт, откуда, взяв только десять самых доверенных спутников, Петр по реке и каналу направился в Голландию.

Не остановившись в Амстердаме ни на день, он поспешил в Заандам,⁴ знаменитый город кораблестроителей на севере. Здесь, сняв маленькую комнатку у старого плотника и облачившись в ворсяную шерстяную куртку, красный жилет и белые носки, Петр Михайлов стал рабочим, чтобы изучать искусство кораблестроения на верфях Минхеер-калф. Он пил пиво в тавернах, спал со служанкой за пятьдесят дукатов и на рассвете разводил огонь, чтобы самому приготовить себе пищу. Петр был поразительно деятелен; быстрота, с которой он поднимался на корабль и сходил обратно на берег с корабля, проведя на нем множество часов в день, просто изумляла флегматичных голландцев, которые никогда не видели такого «loopen, springen en klauteren over the schepen» «бегающего, прыгающего и карабкающегося по кораблям». Но скоро все узнали, кем он был на самом деле, и, хотя Петр холодно поворачивался спиной ко всякому, кто звал его «величество», он счел необходимым покинуть верфь в Заандаме всего через восемь дней. Петр перебрался в Амстердам, где участвовал в постройке фрегата и получил сертификат своей квалификации от главы верфи.

В свободное время Петр изучал и другие ремесла, заполнив своими наблюдениями множество записных книжек. Он всегда хотел сделать все собственными руками. На бумажной фабрике он изготовил немного превосходной бумаги. Он также изучил искусство гравировки и изготовил замысловатое клише, изображающее триумф христианства над исламом; его он отправил патриарху Адриану в доказательство своего мастерства. В построенной для него обсерватории он наблюдал звезды. Петр внимательно изучил микроскоп; в особенный восторг его привело наблюдение циркуляции крови в венах рыбы. На Текселе⁵ он посетил корабли из Гренландии и научился разделять мясо китов. С собой на учебу Петр брал своих компаньонов. В анатомической школе он изучал хирургию; когда он заметил брезгливость на лицах своих спутников, то преподавал им урок, заставив их разрывать мускулы мертвых зубами. Петр пытался делать кровопускание и надрезы при водянке, изучал профессию дантиста и практиковался в ней на своих спутниках, вырывая без разбора их больные и здоровые зубы. Петр был

⁴ В те времена называвшийся Саардам. (Примеч. авт.)

⁵ Тексель – остров у побережья Голландии. (Примеч. пер.)

очень рад, когда натолкнулся на слабосильного дантиста, который вынужден был удалять зубы с помощью ножа, ручки ложки или мотыги.

Увидев какой-нибудь незнакомый предмет, Петр спрашивал: «Wat is dat?» и, когда ему говорили, восклицал: «Dat wil ik kien» – «Я должен рассмотреть это»; для него все было «Dat wil ik kien».

В Амстердаме и Гааге он вел себя более подобающим для царя образом. Петр одевался в западные одежды, как следует человеку благородного сословия, в синий кафтан с золотистой каймой, большой светлый парик и шляпу с белыми перьями. Царь набирал художников, прорабов, офицеров, инженеров и хирургов для работы в России. В его честь устраивались театральные представления и танцы, на реке Амстель его приветствовали фейерверками. Три раза он оказал милость городу, посетив небольшой павильон на воде в Оудерхоеке.

В Утрехте Петр встретился с королем Вильгельмом III, от которого услышал, что в Англии при конструировании кораблей исходят из геометрических принципов, которые можно освоить за несколько месяцев. В Голландии же обучение кораблестроению «на глазок» занимало годы. И потому в январе 1698 года Петр и Меншиков, с пятнадцатью русскими, пересекли Ла-Манш на трех военных кораблях и яхте, предоставленных в их распоряжение королем Вильгельмом III.

10 января они покинули Гринвич, и Петр увидел со своего корабля королевские верфи Дептфорда, где ему предстояло провести большую часть времени своего пребывания в Англии. В Лондоне, отказавшись от предложения Вильгельма III поселиться в Сомерсет-Хаус, он разместился на Бэкингем-стрит, 15. Когда он ходил по улицам Лондона со своими спутниками – по большей части все еще облаченными в восточные одежды, – за ним всегда увязывалась толпа любопытных. Петру показали парламент; он настоял на том, чтобы ему позволили взобраться наверх, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим незаметно. Однако это сделало его лишь еще заметнее. Один-два раза Петр посетил театр, и «ходили слухи, что мисс Кросс, одна из актрис, нашла возможность ему угодить и один раз была допущена в его компанию». Он одевался на английский манер, в чем-то как джентльмен, а в чем-то как моряк. Говорят, что Петр посетил не один публичный дом в Тауэр-Хилл; один из них впоследствии получил название «Царь Московии». Здесь Петр курил и пил бренди с Меншиковым и эксцентричным лордом Кэрмертеном, который тоже имел особое пристрастие к морю. В Дептфорде, где Петр продолжил обучение кораблестроению, он жил в Сайес-Корт. Это поместье некогда принадлежало Джону Эвелину, но было передано адмиралу Бенбоу, который, в свою очередь, временно предоставил здание правительству для нужд русского царя. Здание было очень удобно расположено – через заднюю дверь был выход к верфи, так что Петр мог попасть туда, не привлекая лишнего внимания. Ведущая к этому дому улица до сих пор носит имя царя.

Однако Петр и его русские спутники продемонстрировали мало почтения к удобствам утонченного особняка Эвелина. Их пирушки и попойки оставили дворец в столь печальном виде, что по отбытии посольства Бенбоу послал в казначейство счет за нанесенный ущерб, требуя компенсации. Сэр Христофер Врен подписал этот счет, оценив ущерб в 350 фунтов 9 шиллингов 6 пенсов. Русские разбили в доме триста стекол, сломали почти все замки, взорвали пол на кухне, разрушили камин и духовой шкаф, скрутили защищающую от огня железную решетку, «причинили ущерб» инкрустации столов и этажерок из ореха, загрязнили турецкие ковры, сожгли кастрюли до того, что они распались на куски, повредили двадцать одну картину вместе с рамами, сломали, испачкали и потеряли шестьдесят стульев и изрезали несколько дверей.

Похоже, в спальне они затевали какие-то хулиганские игры, поскольку перины были разорваны, простыни, занавески и шелковые стеганные покрывала порваны, а балдахины растерзаны на куски. Главный садовник сообщил, что «его царское величество» использовал столбы и ограды для костров и что «все газоны приведены в беспорядок и покрыты ямами из-за прыжков

и прочих упражнений, которые на них делались». Царь также разрушил «преlestную живую изгородь из пышного падуба» и три большие тачки тем, что садился в тачку и его на тачке ввозили головой в изгородь.

Дела и в самом деле обстояли ужасно. Дворецкий Эвелина писал ему, когда царь еще пребывал в доме: «Дом полон народа, очень мерзкого» – должно быть, так оно и выглядело. Даже когда король Вильгельм III лично посетил Петра, это обернулось неприятностью. Король, к несчастью, опустился на стул, обычно занимаемый любимой обезьяной Петра, и она сердито вспрыгнула на короля, так что вся церемония была испорчена, перейдя в продолжительные извинения. Когда в Дептфорде Петр попытался сходить в один пользующийся дурной славой местный публичный дом под названием «Редут», то к своему сожалению обнаружил шесть констеблей, перегородивших вход, поскольку на это место совершила налет полиция. Вместо посещения «Редута» Петру пришлось напиться.

Способность русских поглощать еду и пить без меры всегда вызывала изумление. Во время путешествия в Портсмут Петр и его компания остановились в Годамминге. Здесь тринадцать русских съели пять ребер с мясом, всящих пять стоунов,⁶ овцу, три четверти ягненка, лопатку и филейную часть тельца, восемь кур и восемь кроликов; они выпили две с половиной дюжины бутылок сухого вина, дюжину бутылок бургундского и бесчисленное количество пива, а также шесть кварт подогретого сухого вина. Только после этого они отправились спать. Перед тем как отбыть на следующее утро, они позавтракали половиной овцы, девятнадцатью фунтами мяса ягненка, семью дюжинами яиц, десятком кур, дюжиной цыплят и тремя квартами бренди.

Но, оставив после себя в Англии настоящий хаос, Петр забрал с собой то, что могло быть ценным в России. Его ум был цепким, быстро схватывал и неумоимо исследовал, так что Петр смог вернуться домой с весьма значительным запасом знаний. Он много узнал о кораблях и кораблестроении, а когда король дал ему свою лучшую яхту, «Транспорт ройял», вооруженную 20 медными пушками, Петр отправил в Россию на борту этого корабля большое число отличных английских моряков, офицеров, артиллеристов, ремесленников и хирургов. Он также взял себе на службу ювелиров, золотобитов,⁷ бомбардиров, астрономов и математиков. Всего из Англии в Россию отправилось около пятисот человек. Петр увез с собой огромное количество моделей и схем из самых разных областей, а также книги и инструменты. Это выглядит довольно странно в свете того, что будет впоследствии, но, как говорят, Вильгельм III посетовал на то, что Петр оказался довольно равнодушен к архитектуре и садовничеству. Но Петр и так увидел очень много, и к тому же ему было всего двадцать восемь лет. Лондонские дома определенно ему понравились; наверняка на этого любителя всего голландского оказало впечатление сдержанное достоинство нового красного дворца в Кенсингтоне. Известно его замечание относительно новой больницы Врена в Гринвиче, которую Петр поначалу принял за дворец. Когда король спросил у Петра его мнение о приюте для увечных матросов, тот ответил: «Если бы я был советником вашего величества, я бы дал совет перевести двор в Гринвич и превратить Сент-Джеймс⁸ в больницу». Петр посетил Оксфорд, где получил звание почетного доктора гражданского права, а также Кентербери, где его представили архиепископу. Сэр Годфри Кнеллер нарисовал его портрет, который ныне находится в Кенсингтонском дворце.

Петр покинул Англию через три месяца после прибытия. Перед отъездом он вынул из своего кармана обернутый в коричневую бумагу драгоценный камень стоимостью примерно в десять тысяч фунтов стерлингов и вручил его королю Вильгельму. Однако его подруга, актриса мисс Кросс, была крайне разочарована его скупостью. Петр не отправился во Францию, но когда он вернулся в Голландию, то нанял здесь не только шесть местных квалифицированных

---

⁶ Стоун равен 6,35 кг. (Примеч. пер.)

⁷ Золотобиты изготавливали из куска золота очень тонкие листы, которые использовались для украшений. (Примеч. пер.)

⁸ Сент-Джеймс – дворец, резиденция английских королей. (Примеч. пер.)

рабочих, но и большое число французов, выразивших желание поступить на его службу. В июне 1698 года Петр двинулся обратно на восток. Он миновал Клевес, Лейпциг и Дрезден, где задержался, чтобы подробно осмотреть художественные галереи. Затем он отправился в Вену, где изучал военные искусства. Здесь император развлекал Петра «восхитительной гармонией музыки, великолепным ужином и Wirtschaft⁹». Из Вены Петр планировал отправиться в Венецию, чтобы еще поучиться кораблестроению, но тут, после годичного отсутствия, его внезапно вызвали в Москву из-за стрелецкого мятежа.

Таким образом, Петр Великий смог увидеть собственными глазами то, что раньше было от русских скрыто. Поскольку Петр любил путешествия, он впоследствии снова отправился на Запад. Еще раз побывал в Гамбурге и Амстердаме, в Копенгагене и Любеке, побывал на водах Пирмонта, Спа и Карлсбада – здесь он выпивал сорок кружек шпруделя в день. Он также бывал в Виттенберге, чтобы увидеть место, где Лютер бросил чернильницу в дьявола; Петр оставил в книге посетителей запись: «Эта история – ложь; чернильные пятна новые». В 1717 году он нанес визит в Париж и поразил французов тем, что поднял Людовика XV и обнял его; королю тогда было семь лет. В Париже Петр остановился в маленьком частном доме, предпочтя его отведенным для русского царя роскошным апартаментам в Лувре. Петр был одет в узкий коричневый костюм с золотыми пуговицами и полотняным воротником. На его голове был короткий, не посыпанный мелом парик. Перчаток и запонок Петр не носил. Во французской столице Петр продемонстрировал очень большую любовь к осмотру достопримечательностей. Он часто забирался в экипаж, чтобы прокатиться по городу. Похоже, картинные галереи ему надоели, но на фабрике гобеленов он провел много времени, постоянно ее посещая. Постоянно он бывал и в Jardin des Plantes.¹⁰ Он посещал также каретную мастерскую и литейную медалей в Лувре, где ему подарили медаль с его собственным изображением. На Петра произвела большое впечатление машина в Марли, качающая воду из Сены в Версаль. Сам Версаль не оказал на царя большого впечатления; он назвал дворец «свиньей с крыльями орла», имея в виду огромные, идущие далеко крылья дворца. Петр посетил мадам де Ментенон, реликт величественного правления Людовика XIV. Она находилась в постели, но Петр приподнял полог и какое-то время стоял, глаза на нее. Ни один из них не произнес ни слова; мадам де Ментенон была очень рассержена, но поделать ничего не могла. Перед тем как русский царь покинул Париж, его портреты нарисовали Натье, Риго, Ларжильер и Удри.

Еще до своего отъезда из России Петр уже брал на работу иностранных учителей. На него уже работали инженеры и искусные ремесленники из западных стран – голландцы, англичане, шотландцы, шведы и немцы. Английские купцы и итальянские ремесленники проложили себе дорогу в Москву с XVI столетия. Еще до своего путешествия Петр отправил значительное число молодых бояр в Венецию, Легхорн, Англию и Голландию для изучения кораблестроения и мореходства, а также для того, чтобы они ознакомились с культурным наследием Запада. После своего путешествия Петр послал еще больше людей. На протяжении всего петровского правления, особенно в поздние годы, агенты царя разыскивали новых ремесленников и учителей по всей Западной Европе.

Однако началась западная политика Петра с посольства 1697–1698 годов.

Реформы приходилось осуществлять силой. Когда в марте 1697 года Петр отправился на Запад, это произошло после казни мятежных стрельцов, которых повесили на Красной площади, после чего их тела были обезглавлены, а конечности отрублены. Когда в 1698 году Петр вернулся в Россию, он встретится с более серьезным мятежом, при подавлении которого Красная площадь была буквально залита кровью сотен людей. Петр лично отрубил головы двумстам

⁹ Экономическая наука. (Примеч. пер.)

¹⁰ Сад цветов. (Примеч. пер.)

стрельцам за один день – уже подвергнутым пыткам и колесованным. Пять месяцев мертвые тела свешивались с зубцов Кремля. Запад приходил в Россию в кровавых мучениях.

Каждый успешный шаг Петра, направленный на то, чтобы впустить в затхлую, темную старую Россию свет и свежий воздух, наталкивался на мрачное сопротивление, которое приходилось подавлять с кровопролитием. Церковь и старое дворянство были самыми сильными противниками перемен. Петр высмеял церковь, созвав «Несвященный Синод» дремучих алкоголиков, который проводился пародийным патриархом Никитой Зотовым – распутным стариком восьмидесяти лет. На этом маскараде пародировали гимны, молитвы и литургии Святой Руси, кропили водкой вместо святой воды и возжигали табак вместо ладана. Бояре были недовольны тем, что Петр брился и курил табак. Длинные бороды имели священное значение для русских, которые считали бритье «еретическим», поскольку оно делало людей «похожими на обезьян». Для русских даже форма бороды имела религиозное значение. Именно длинные бороды и стали первым объектом нападения. В первое же утро после своего возвращения с Запада Петр собрал двор в своем маленьком деревянном доме в Преображенском, чтобы с ножницами в руках отрезать бороды и усы у почти всех прибывших бояр. Любому, кто впоследствии появлялся при дворе с бородой, насильно брил бороду один из королевских шутов. У ворот Москвы были установлены посты парикмахеров, и все въезжающие лица мужского пола в обязательном порядке брились. Бороды оказались вне закона; но привязанность к ним была столь сильна, что многие мужчины аккуратно подстригали их и прятали остатки под костюм, чтобы иметь возможность в любое время предстать перед Богом в надлежащем виде. Позднее было разрешено носить бороды за плату; в этом случае к бороде прикреплялось разрешение – отштампованный металлический знак. Религиозные чувства русских также были уязвлены тем, что царь поощрял всех курить табак, что в России считалось смертельным грехом, осквернением священного дыхания жизни.

Костюмы тоже требовалось сменить. Петр, вооруженный ножницами, отрезал длинные складчатые рукава своих гостей во время пиров. Тяжелые, развевающиеся одеяния, от которых европейцы отказались столетия назад, были с этих пор запрещены. Теперь требовалось надевать короткие саксонские или венгерские куртки, французские или немецкие чулки, шляпы с поднятыми полями и башмаки с застежками. Модели новых платьев были развешаны на всех воротах Москвы, и с каждого входящего снимали мерку. При дворе стали обязательными парики; сапожные гвозди с широкой шляпкой и железные набойки на обувь запрещались под угрозой каторжных работ. Новые правила коснулись и женщин: длинные платья сменились на английские и французские фасоны, на место мехов пришли тафта и дамаст, шапки из соболя уступили место пышным прическам или домашним чепцам.

Но самым важным было то, что Петр начал войну против униженного положения женщин. Он заставил отцов и опекунов клясться, что они не будут выдавать замуж девушек помимо их воли и что жених с невестой могут свободно видеть друг друга на протяжении шести недель перед венчанием – и смогут даже расторгнуть помолвку по своему желанию. Петр упразднил закрытый на замок и засов терем и закрытые носилки с тщательно задернутыми занавесками. Он даже учредил для женщин орден Святой Екатерины, с крестом на белой ленте и девизом «За любовь и верность Отечеству». Он вызволил дочерей и жен боярских из заточения и ввел их в общество. По европейскому образцу были заведены ассамблеи, где впервые могли встретиться мужчины и женщины, облаченные в европейские одежды. На ассамблеях можно было попробовать джем и шоколад, выпить чай, водку, лимонад и другие напитки, потанцевать польские и немецкие танцы. Если чересчур скромные дамы осмеливались не ответить на гостеприимство Петра, за ними присылали солдат. «Ассамблея, – как говорилось в разъяснительном указе Петра, – это французское слово, которое трудно перевести на русский одним словом. Оно подразумевает собрания большого числа людей как для удовольствия, так и для обсуждения деловых проблем. На этом мероприятии могут увидеть друг друга друзья,

чтобы получить совет по поводу дел или по другим предметам, чтобы узнать новости, местные или иностранные, и чтобы вместе провести время».

Эти ассамблеи нельзя было назвать утонченными. Версаль определенно не признал бы в них собрания придворных. Петр часто сам приносил оркестру кружки пива; мужчины курили свои вонючие трубки в присутствии женщин, тихо сидевших в своих непривычных нарядах и среди непривычной публики, подобно стаду испуганных овец. Царь любил наказывать провинившегося штрафом – «расправившим крылья орлом» – гигантским кубком, до краев наполненным спиртным напитком; дворян после этого часто без сознания уносили столь же пьяные лакеи.

Несмотря на оппозицию и сопротивление, сила характера Петра была столь велика, что всего за несколько лет он полностью изменил лицо всего русского двора – если его в это время можно так называть. Иностранные путешественники, в начале правления Петра писавшие о Московии как о чем-то далеком, азиатском, имеющем мало отношения к Европе, в конце его правления уже сравнивали, даже если и неблагоприятно, его двор с дворами Запада.

Но «образование своего народа» Петром было куда глубже, чем организация балов и банкетов. Помимо прочих, он произвел две реформы, каждую из которых через два столетия повторило Советское правительство в числе первоочередных. Первая реформа коснулась календаря. Теперь в России стали считать года, как и в Западной Европе, от Рождества Христова, а не с Сотворения мира. Вторая реформа упростила алфавит. Из старой кириллицы было убрано восемь самых нескладных букв, а остальные по написанию были максимально приближены к латинским. Новый «гражданский шрифт», отлитый по порядку голландским словолитчиком, использовался вплоть до 1918 года. Петр сделал многое, чтобы способствовать развитию образования; он основал школу навигации и математики. Немецкий пастор Глюк создал школу, в которой изучались география, политика, философия, танцы и основы французского и немецкого. Господин Фергюсон с двумя молодыми помощниками из больницы Христа пришел учить астрономии; ему было приказано вычислить все видимые в России затмения, чтобы русские были готовы их наблюдать. К сожалению, одного из ассистентов из больницы Христа убила банда грабителей, так что с этой затеей было покончено. Голландцы и поляки установили в России свои прессы для печати. Проводилось много работы по переводу литературы на русский. Петр принимал самое активное участие в этом мероприятии, давая множество советов бригаде переводчиков. «Вы не должны, – говорил он, – переводить дословно, не зная точный смысл текста. Следует читать внимательно, стремясь проникнуть в смысл сказанного автором. Нужно выразить его мысль по-русски, и только после этого следует пытаться переводить». Из-под прессов начали выходить первые русские газеты; чтобы ввести в свой двор дух учтивости и официальности, Петр распорядился выпустить «Руководство для написания письма» – наставление по составлению поздравлений, приветствий, свадебных обязательств, приглашений и так далее. Боярским семьям было велено использовать это руководство как учебник.

Петр использовал как средство образования и театральную сцену. В 1702 году из Данцига в Москву прибыла труппа из семи немецких актеров. Импресарио Иоганн Христиан Кюнст многих русских обучил театральному искусству. В его труппе были исполнители с английскими именами – Мортон, Бидлар, Джек Старки и музыкант Томас Шелли. За Кюнстом в Россию прибыл еще один импресарио, Отто Фюрст, который через некоторое время начал привлекать в свою труппу актеров из местного населения. Импресарио работал с 1704-го по 1707 год. В центре Красной площади был выстроен деревянный театр, и здесь по общегосударственным праздникам устраивались продолжительные представления из жизни таких лиц, как Александр Великий, Тамерлан, султан Баязет, Дон Хуан и Сципион Африканский. Также здесь ставились современные комедии, как, к примеру, «Мнимый больной». Сестра Петра Наталья присоединилась к этому хорошему делу, принявшись писать русские пьесы с названиями типа «Комедия о святой Екатерине», «Комедия о пророке Данииле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.